

© *Ляшенко К. М.*

10. Сумарокова Л.Н. Системность языка: ее аспекты и уровни // Параметрическая общая теория систем и её применения: Сб.трудов, посвященный 80 – летию проф. А.И. Уёмова / Под ред. А.Ю. Цофнаса / Л.Н. Сумарокова. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 89-106
11. Теорія смислу в гуманітарних дослідженнях та інтенціональні моделі в точних науках. – К.: Наукова думка, 2012. – 456 с.
12. Уёмов А.И., Сараева И.Н., Цофнас А.Ю. Общая теория систем для гуманитариев / А.И. Уёмов, И.Н. Сараева, А.Ю. Цофнас. – Варшава: Universitas Rediviva, 2001. – 276 с.
13. Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания / А.Ю. Цофнас. – Одесса: АстроПринт, 1999. – 308 с.
14. Штейнгауз Г. Чем занимается и чем не занимается математика // . Задачи и размышления: пер. с польск. / Г. Штейнгауз. – М.: Мир, 1974. – С. 220-360
15. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с итал. / У. Эко. – СПб.: Simposium, 2004. – 544 с.
16. Bausch K.C. The emerging consensus in social systems theory / K.C. Bausch. – N-Y.: Springer, 2001. – xxvi + 419 p.
17. Maturana H. Cognition // Wahrnehmung und Kommunikation / H. Maturana. – Frankfurt: Peter Lang, 1978. – pp. 29 – 49
18. Maturana H. Reality: The search for objectivity or the quest for compelling argument /H. Maturana/ Irish Journal of Psychology. – Vol. 9 – 1988. – pp. 25-82
19. Wilber K. An integral mathematics of primordial perspectives // Excerpt C. / K. Wilber. - <http://wilber.shambhala.com/html/books/kosmos/excerptC/appendix-B.cfm>

Ляшенко Константин Николаевич, аспирант кафедры культурологи философского факультета Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

УДК: 141.32+123.2:177.8

ПРОБЛЕМА ЛЮДИНИ У КОНТЕКСТІ «ФІЛОСОФІЇ МІЗАНТРОПІЇ» ЛЬВА ШЕСТОВА

Стаття присвячена філософсько-мизантропічним поглядам Льва Шестова, у межах яких розглядається зв'язок між філософом і проблемою людини, філософом і буденним існуванням, філософом і людством.

Ключові слова: «філософія мизантропії», проблема людини, буденне існування.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ «ФИЛОСОФИИ МИЗАНТРОПИИ» ЛЬВА ШЕСТОВА

Статья посвящена философско-мизантропическим воззрениям Льва Шестова, в рамках которых рассматривается связь между философом и проблемой человека, философом и обыденным существованием, философом и человечеством.

Ключевые слова: «философия мизантропии», проблема человека, обыденное существование.

THE PROBLEM OF A MAN IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF MISANTHROPY OF LEV SHESTOV

The article is devoted to Lev Shestov's philosophical and misanthropic views within which communication between the philosopher and a problem of a man, the philosopher and ordinary existence, the philosopher and mankind is considered.

Keywords: «philosophy of misanthropy», problem of a man, ordinary existence.

«Шекспир искал оправдать человека, Достоевский – обвинить.
Кто из них истинный христианин?»

Лев Шестов «Добро в учении гр. Толстого и Ф.Ницше»

Человек ограничен человеком. На протяжении всей своей жизни он поглощен самим собой, другими людьми, идеальными и материальными проявлениями человеческой жизнедеятельности, окультуренной природой, в конечном счете, все сущее открывается ему исключительно с позиции человеческого существа. Человек жив человеком. Несмотря на это нет ничего более загадочного и,

как бы парадоксально это не звучало, более заброшенного, позабытого, сведенного к наскучившей «самоочевидности», чем человек. Во времена, когда «человечность» находится под угрозой, а ее «широта» – под сомнением, философам свойственно с новой силой и неистовством задаваться вопросом о человеке, смысле его существования, его судьбе. Однако позволительно ли будет сказать то же самое обо всех людях?

Данная работа посвящена относительно оригинальному рассмотрению основных взглядов Льва Шестова на человеке, а именно – через призму «философско-мизантропических» настроений, неявно присутствующих в работах русского философа. Несмотря на то, что степень разработанности данной проблематики можно считать минимальной, основными «источниками» мы хотим выделить работу Г. Марселя «Человек, ставший проблемой» и фундаментальный труд В.А. Курабцева о философии русского экзистенциалиста «Миры свободы и чудес Льва Шестова: Жизнь мыслителя, «странствования по душам».

Хосе Ортега-и-Гассет писал, что «массовому человеку» свойственно превозносить технический прогресс, когда как сам он, по сути, к этому прогрессу не имеет никакого отношения, разве что только функциональное. Ту же ситуацию мы наблюдаем и в процессе развития философской антропологии, главным образом в лице экзистенциальной философии. Так, титаническая обеспокоенность экзистенциального философа проблемой человека не распространяется на всякого, кого, обычно, принято называть человеком.

К примеру, присущее человеческой природе стремление к смыслу жизни, о котором пишет Виктор Франкл, способно «облагородить, возвеличить» [1; 11] лишь идею человека. Конкретный же человек «эпохи утраты смысла», под гнетом чувства абсолютной бессмысленности жизни, умудряется не только выжить, но и буйно размножаться, прогрессировать в техническом плане, вести небывало кровопролитные войны, завоевывать космос и совершать мн. др., не говорящие о его преимущественной созерцательности, поступки. Интуитивное чувство абсурда или стремление к смыслу жизни не играет значительной роли в жизни человека. Т.е. чтобы прожить «полноценную», по средним меркам, жизнь, ему не необходим смысл жизни, более того – он не нуждается даже в периодической обеспокоенности смысложизненными проблемами.

Одной из характерных особенностей экзистенциальной философии принято выделять ее особое внимание к исключительному, неповторимому существованию конкретного человека, к внеприродной и внесоциальной интимности и неуловимости его экзистенциальной реальности, боящейся какой-либо объективации. С другой стороны, «экзистенциальная философия, – по словам Н. Бердяева, – означает память об экзистенциальности философствующего субъекта, который вкладывает в свою философию экзистенциальный опыт» [2; 598]. Таким образом, этой неуловимой экзистенциальной реальностью оказывается существование самого философа, которое он противопоставляет существованию обыденному, «вывернутому наизнанку». С точки зрения экзистенциальной философии, по причине катастрофической бедности внутреннего мира, все жизненные устремления «человека обыденности» направлены вовне. Бесполезность интроспекции компенсируется перенапряжением органов чувств, единственное, что определяет ценность жизни «человека наизнанку». Чтобы чувствовать себя живым, он нуждается во внешнем, физическом или социальном движении. Дефицит экзистенциального измерения принуждает его к истерической активности, не только избавляющей от ужаса встречи с самим собой или миром Необходимости, но и подавляющей самую возможность личностного роста. Однако главной отличительной чертой «обыденного человека» является то, что он не может задаться вопросом об «обыденном человеке».

Так кого же Мигель де Унамуно называл «больным животным»? «Тут решает уже не логика, а СЛУЧАЙ: сможет ли КТО-ТО один реализовать свою единичность так, чтобы на ней или, если угодно, после нее можно было бы увидеть ЧЕЛОВЕКА ВООБЩЕ» [3; 156-157]. Если и была когда-либо в философии экзистенции поставлена проблема человека, то это была проблема Л. Шестова, проблема Н. Бердяева, проблема А. Камю, проблема Ж.-П. Сартра и др. Поэтому при сведении экзистенциальной философии к историко-философскому могильнику идей, умаляется не только значение экзистенциального философа, но и человека. Человек жив болью философа за человечность.

Лев Шестов видел в Блезе Паскале человека, который «ничего не ждет от мира, которому ничего не нужно, который ничего не боится, которому не импонирует никакой авторитет, который думает, ни с чем не считаясь и ни с чем не соображаясь» [4; 317]. Однако тот факт, что философское творчество французского мыслителя 17 века дошло до наших дней, говорит о том, что мало кто разделял точку зрения Льва Исааковича. «Все прощается «возвышенному мизантропу» [4; 318], – пишет Шестов, имея в виду, что Паскаля просто не поняли (не хотели понять?) Разве сохранило бы человечество

философские прозрения (не поддающиеся «политизации») мизантропа (воспевающего отказ от самого дорогого – покоя), не будь возможности выдать желчность человеконенавистничества за альтруистическую обеспокоенность христианина спасением заблудших душ? Ответ очевиден.

То ли придавая шестовскому пониманию «Мыслей» историко-философское (т.е. общедоступное и общепольное) значение, то ли желая найти аргумент против конгениального оппонента, Бердяев счел своего лучшего друга «обреченным на непонимание» Паскаля. Однако нам представляется очевидным то, что Шестов, отдающий предпочтение «отрицательной мысли», использовал философские взгляды и биографические борения Паскаля в качестве иллюстративного материала для собственной философии.

Шестов как-то писал о том, что Достоевский, скрываясь за спинами некоторых своих литературных персонажей, продвигал идеи, которые никогда бы не решился высказать от собственного имени. Значительно безопаснее продать мир за чашку чая от лица сумасшедшего коллежского асессора или размахивать револьвером от лица чахоточного юнца, когда вся ответственность ложится на плечи неприкосновенного литературного персонажа. Нечто подобное любил осуществлять и сам Шестов – роль литературных подопытных крыс играли философы с мировым именем. Фаня Шварцман, сестра Льва Исааковича, утверждая, что ее брат интересуется одними «невротиками» (Шекспир, Достоевский, Ницше, Кьеркегор), добавляла: «анализируя своих литературных пациентов, Лев пользовался ими как масками, а занят он был все время самим собой, самоанализом» [5; 65].

Блез Паскаль, крадущийся во мраке «Гефсиманской ночи», оказывается самим Шестовым, сознающим в собственной «мизантропии» (которую сейчас можно с уверенностью назвать «возвышенной»). Именно Шестов был ненавистником «всемских» ценностей, и в первую очередь – «ненавистником разума» (учитывая то, что это никак не умаляет и не опровергает взгляды русского философа на «монашествующую предтечу» экзистенциальной философии).

Как «ненавистник разума» Шестов не может не выступать также и ненавистником носителя и защитника этого разума. Споря с «апостолами рационализма», он в то же время спорит с теми, кто неосознанно пытается воплотить «общеобязательные истины» в жизнь, придав им чувственновоспринимаемые очертания, физический вес. Философы, ратующие за диктатуру разума, ведут борьбу с единичным посредством обобщений, выведений закономерностей, рационализацией «таинственного» и принципиальной индифферентностью к исключительному. Их работу, вне каких-либо теорий, продолжают люди (далекие от философии) – вместо чернильного пера они берут в руки железную палку и без каких-либо раздумий и колебаний ломают хребет всякому попавшемуся на их пути исключению. И эти люди, с точки зрения Шестова, куда более последовательные и убедительные – ибо методы их заимствованы у самой Необходимости.

Посему «философию мизантропии» Шестова можно считать определенным откликом на агрессивнo-усредняющее обыденное бытие, в котором «безумие» сводится к числу пороков, а для каждого «безумца» найдется персональный «стул для молитв». И Шестов был типичным «обратным симулянтom» [6; 365].

Отсюда и экзистенциалистское неприятие гуманистического оправдания, очищения, «прояснения» бездн человечности, которые проистекают из скрытого презрения к «человеческой тайне». «Любить общечеловека – значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека» [7; 197], поэтому «лучше насилие над реальным живым существом, чем призрачное попечение о безликих порядковых числительных!» [8; 41].

На любовь к «конкретному недочеловеку» или к «безжизненной формуле» Шестов отвечает любовью к «великим ненавистникам» [9; 11] (т.е. до конца последовательным мизантропам, т.е. «великим ненавистникам» самих себя, ненависть которых питает тоска по подлинному человеку, подлинному миру).

Из «философии мизантропии» Шестова, как критики обыденного существования и абсолютизации человеческой неподлинности, весьма обоснованно могут следовать вопросы о радикальном изменении положения вещей в обществе. К примеру, не нуждается ли современный мир в новом, исправленном и углубленном «катехизисе революционера», в котором «всем известное» общество не дробилось бы на столь разнообразные категории людей (что уже само по себе не соответствовало бы одномерной социальной действительности, отсюда – и «новым» целям «катехизиса»), а было бы сведено к одной единственной и довольно простой категории? С точки зрения подобных вопросов нам открывается иная, не менее интересная сторона «философии мизантропии» Льва Исааковича.

Г.Я. Стрельцова обвиняет русского экзистенциалиста в катастрофическом непонимании философско-гуманистических взглядов Блеза Паскаля, считая при этом, что их извращение в контексте «человеконенавистнических настроений» переходит в ошибочно и безосновательно безжалостное отношение к людям, неоправданную нетерпимость к естественному стремлению человека к «уюту» в лоне мира Необходимости. Таким образом, Шестов оказывается как бы чрезмерно жестоким и требовательным к «любвеобильному» человеческому существу. «Среди русских мыслителей Достоевский наиболее конгениален Паскалю. Однако при всем трагическом видении человека оба они не «срываются» ни в мизантропию, ни в отчаяние, ни в безнадежность, потому что спасаются верой в Иисуса Христа и его искупительную миссию. Для них нет веры и любви к человеку без веры и любви к Богу. <...> Не понимая глубинных основ гуманизма Паскаля, Вольтер считал его «уточенным мизантропом». Такое непонимание свойственно Шестову, который в своей работе «Гефсиманская ночь» называет его «изувером и фанатиком», «ненавистником разума» и всего того, что дорого людям. Они любят устойчивость – он выбирает непостоянство; они любят твердую почву – он их толкает в бездну; они ценят внутренний мир – он призывает к мучениям; они ищут ясных истин – он «спутывает все карты»; они любят покой – он же восклицает: «Христос будет в агонии до конца мира – так не будем же спать!» Призыв Паскаля к совести человечества, как и его духовную требовательность к людям, Шестов трактует как издевку над человеком» [10; 412-413].

Однако в чем суть этих «издевок над человеком» Паскаля-Шестова? В любви к каким вещам «сорвавшийся» Шестов отказывает людям? Что именно он пытается исказить, отравить, опрокинуть, разрушить?

Довольно просто заметить, что объекты человеческой любви, противоречащие «бесчеловечным» взглядам Шестова, как то: «устойчивость», «твердая почва», «внутренний мир», «ясные истины», «покой», не выходят за рамки обыденного человеческого существования и в целом представляют собой сокровенную филистерскую мечту, содержательный образ которой был, в свое время, прекрасно описан Леонидом Андреевым: «Ярким светом сияют впереди богатства и слава. Каких-нибудь пятьдесят, шестьдесят лет – и я буду иметь карманные деньги, куплю хорошую, любящую жену не из магазина подержанных вещей, а совершенно новую; и мое имя будет произноситься с почетом, и ни один городской не в состоянии будет забрать меня в участок, и всегда, всегда буду ездить на конке» [11; 109]. Чем не воплощение «устойчивости» и «внутреннего мира»?

Так, нам открывается другая сторона «философии мизантропии» Льва Исааковича (и других, близких ему по духу философов). Нет нужды задаваться и беспокоиться «проклятыми вопросами» о судьбе человечества (тем же вопросом об «усложненном» «катехизисе революционера»), когда человечество само пытается себя уничтожить под утешительные проповеди «любви и веры» в человека (которого никто не «знает» и не «видел»), а Освенцим представляется незначительным упущением, несущественной оплошностью на фоне насквозь порочного и ошибочного обыденного существования.

Видный современный философ Александр Дугин, вполне откровенно и небезосновательно «отказывающий» обществу «безликих порядковых числительных» в праве на существование, говорит о гибели человечества (соответственно и о конце мира) не как об одномоментном акте физического уничтожения, но как о процессе духовного вырождения. Еще раньше другой замечательный «апокалиптический визионер», Эмиль Чоран, подобно сумасшедшему художнику из пьесы Сэмюэля Беккета «Эндшпиль», считавшему себя «живым» свидетелем светопредставления, неоднократно описывал чудовищные картины духовного крушения, сокрытого под буйным цветением человеческой плоти и бесстыдной убежденности в необходимости собственного существования. «Плоть разрастается по поверхности планеты, как гангрена. Она не знает границ и продолжает бушевать, несмотря ни на какие издержки, принимая поражения за победы – ничто и ничему ее не учит» [12; 31]. Отсюда его неутешительный, но чем-то даже оптимистический приговор человеческому роду: «Человек *скоро* исчезнет, до недавнего времени я был в этом убежден. Теперь я изменил свое мнение: он *должен* исчезнуть» [13; 163].

Таким образом, мизантропическое отношение философа к проявлениям недочеловечности выступает единственной альтернативой человеконенавистничеству недочеловека. «Чрезмерная» же требовательность Шестова к людям, в действительности, оказывается экзистенциальной обеспокоенностью, поиском человечности и ужасом перед человеком случившимся, фактическим, конченным, ясным и очевидным, чья «человечность» не требует более ни поиска, ни вопрошания, ни сомнения.

© Мисик І.Г., Денисова М.М.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Франкль В.Э. Страдания от бессмысленности жизни: Актуальная психотерапия: пер. с англ. / В.Э. Франкль. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2011. – 105 с.
2. Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. – С. 598-602.
3. Свасьян К.А. О конце истории философии // Свасьян К.А. Растождествления / К.А. Свасьян. – М.: Evidentis, 2006. – С. 146-171.
4. Шестов Л. На весах Иова: странствования по душам / Л. Шестов – М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 463 с.
5. Штейнберг А.З. Лев Шестов// Синтаксис / А.З. Штейнберг. – 1990. – 28. – С. 44-82.
6. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: опыт адогматического мышления// Шестов Л. Философия трагедии / Л. Шестов. – М.: АСТ, Фолио, 2001. – С. 319-378.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя// Post Scriptum. Сборник. / Ф.М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2007. – С. 171-776.
8. Бубер М. Я и Ты// Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем. / М. Бубер. – М.: АСТ, 1999. – С. 24-121.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Пер. с нем. / Ф. Ницше. – Х.: Фолио, 1999. – 342 с.
10. Стрельцова Г.Я. Паскаль в России// Русская философия: Энциклопедия / Г.Я. Стрельцова. – М.: Алгоритм, 2007. – С.411-413.
11. Андреев Л.Н. Дневник. 1897-1901 гг. / Л.Н. Андреев. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 296 с.
12. Чоран Э. Злой демиург// Чоран Э. После конца истории / Э. Чоран. – СПб.: Симпозиум, 2002. – С. 23-136.
13. Чоран Э. Признания и проклятия / Э. Чоран. – СПб.: Symposium, 2004. – 204 с.

Мисик І.Г., д. філос. н., проф., проф. каф. філософії та соціології ДЗ ПНПУ імені К.Д.

Ушинського.

Денисова М.М., магістр ф-ту української філології інституту мов світу ДЗ ПНПУ імені К.Д.

Ушинського.

УДК: 1+82.09+305+141.78

ФІЛОСОФСЬКА СТРАТЕГІЯ ДЕКОНСТРУКЦІЇ ТА ЇЇ ЗВ'ЯЗОК ІЗ ЛІТЕРАТУРНОЮ КРИТИКОЮ

Стаття присвячена проблемі розмежування понять деконструкція та критика. Розглядається сутність деконструкції та її зв'язок із феміністичною критикою і літературою постмодерну.

Ключові слова: деконструкція, критика, фемінізм, гендер.

ФИЛОСОФСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ

Статья посвящена проблеме разграничения понятий деконструкция и критика. Рассматривается суть деконструкции, а также ее связь с феминистической критикой и литературой постмодерна.

Ключевые слова: деконструкция, критика, феминизм, гендер.

PHILOSOPHIC STRATEGY OF DECONSTRUCTION AND ITS CONNECTION TO THE LITERARY CRITICIZE

The article is devoted to the problem of distinction of deconstruction and criticism. The core of deconstruction and its connection to the feminist criticism and postmodern literature is considered.

Keywords: deconstruction, criticism, feminism, gender.

Актуальність статті обумовлена широким використанням філософської стратегії деконструкції в контексті літературної критики. Ми ставимо собі за мету дослідити співвідношення понять критики та деконструкції, визначити місце філософського поняття деконструкції у сучасному